

ДИАЛЕКТНАЯ СИСТЕМА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА И БАШКИРСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Башкирский язык является национальным языком башкирского народа, численность, которого, по данным переписи 2010 г., составляет 1584554 человек [1].

По современной классификации тюркологов, башкирский язык относится к уральской подгруппе кыпчакских языков, входящих в большую семью тюркских языков [2]. Наиболее близкими ему являются такие кыпчакские языки, как татарский, казахский, ногайский. В то же время башкирский язык имеет ряд общих черт с южносибирскими тюркскими (алтайский, хакасский, тувинский, якутский, язык древнетюркских памятников) и огузскими (туркменский, диалекты турецкого) языками. Как в диалектах, так и литературном башкирском языке отмечены так называемые и болгарские элементы. В башкирском языке заметны следы его контактов и с некоторыми нетюркскими языками, а именно иранскими, финноугорскими, монгольскими, китайскими, тунгусо-маньчжурскими и славянскими языками [3]. Однако, несмотря на все это, башкирский язык сумел сохранить свои древние специфические черты.

Специфические черты башкирского языка преимущественно распространяются на систему согласных звуков. Это употребление звуков «һ» или «ҫ» в начале слова и в начале аффиксов вместо общетюркского «с», межзубного звука «з» в конце слова, в конце закрытого слога и интервокальном положении вместо «з», межзубного «ҫ» вместо «с», соответствие *с-ч, й-ж*, сохранение компонентных сочетаний типа *лт, нт, мк, ңк* и др. В области вокализма башкирский язык вместе с татарским характеризуется сохранением болгарского субстрата, а именно редукцией праязыковых узких (*у > ў, *і > ї, u > ѱ, *u > ѱ) и последовавшим за ним сужением широких (*o > u, ö>ü, *e > i, *a > ă (в говорах) [4].

В диалектной системе башкирского языка выделяется три диалекта восточный (ранее куваканский, от племенного названия), который состоит из айского, аргаяшского, сальютского, миасского и кызылского говоров; южный (ранее юрматынский, также от племенного названия), который включает в себя ик-сакмарский (подразделяющийся на сакмарскую и ик-юшатырскую зоны), средний, демский; северо-западный, включающий караидельский, нижебельский, гайнинский, таныпский говоры.

Восточный диалект охватывает северо-восточную часть Башкортостана. Челябинскую, Курганскую области Российской Федерации и связан с такими родоплеменными группами башкир, как ай, сарт, катый, тамьян, тияу, кубаяк, бурзян, кыпчак, кувакан, барын, табын, сальют [5].

Южный диалект в основном распространен в центральных и южных районах Башкортостана и сопредельных районах Оренбургской, Саратовской, Самарской областей России и связан с такими родоплеменными группами башкир, как бурзян, кыпсак, усерган, тангаур, юрматы, западные табынцы, мин, кудей [6].

Северо-западные районы Башкортостана, сопредельные с Башкортостаном районы Пермского края, Свердловской области России и Татарстана входят в зону распространения северо-западного диалекта башкирского языка.

Северо-западный диалект территориально связан с башкирами племен байлар, буляр, юрмый, еней, гэрэ/гэрэй, кыргыз, елан, ельдяк, дуваней, канлы, каршин, таз, уваныш, уран, гайна, ирякты, танып, балыксы, уннар [7].

Как показывает вышеприведенный материал, одни и те же родоплеменные названия попадают на территорию разных диалектных групп и наоборот, один диалект может быть связан с несколькими племенными названиями. В качестве примера можно показать употребление в среднем говоре южного и караидельском говоре северо-западного диалектов башкирского языка консонантных сочетаний типа «сонорный + глухой смычный» в различных морфемных частях слова вместо литературных и некоторых диалектных звонких звуко сочетаний. Ср.: *Сред.* алтыр 'чаша', *караид.* алтыр, *лит.яз.* алдыр;

сред. аңтыу 'следить, выслеживать', *танып, караид., среднеур., аңтыу, лит.яз.* аңдыу;

сред. балтыз 'младшая свояченица', 'шурин', *караид., тьюй.* балтыс, *юж.д., ай., миас., кыз.* балдыз, *аргаяш.* балдус, *лит. яз.* балдыз;

сред. балтырған 'борщевик', *караид., танып., аргаяш.* балтырған, *лит. яз.* балтырған, *куб., кыз.* балдырған;

сред. билтәмә / пилтәмә 'филе', *караид.* пилтәмә, *куб.* билдәмә, *лит. яз.* билдәмә;

сред. бүреңке / пүреңке 'картофель', *караид.* пүреңке, *дем.* бүреңке, *ай., аргаяш.* бәрәңге;

сред. дамка / тамка 'тамга', *караид., тьюй., среднеур.* тамка, *лит. яз. и др. гов.* тамға;

сред. дүңгәк / түңгәк 'кочка', *караид.* дөмкәк / түңгәк, *вост.д.* дүңгәк, *лит.яз.* түңгәк;

сред. йеңкә 'сноха', 'невестка', *караид., танып., среднеур.* йеңкәй / йеңкәсәй, *лит. яз. и др. гов.* йеңгә;

сред. кентек 'пупок', *караид., танып., куб.* кентек, *лит. яз. и др.гов.* кендек;

сред. кинтер 'конопля', *караид., танып., среднеур.* кинтер, *лит. яз. и др.гов.* киндер

сред. көнтөз 'днем', *лит. яз.* көндөз. Ср. *древнетюрк.* күntüz 'день' (Ктб 27, Тон. 12);

сред. кәнте 'точно' *куб., сакм.* кәнт, *караид., танып.* кәнте, *юго-вост.* кәнде, *в древнетюрк.* kәntü 'точно он сам' (Ктб 23);

сред. мантымау 'не поправляться', *куб.*, *танып.*, *среднеур.* мантымау, *лит. яз.* маңдымау;
сред. ментәр 'подушка', *караид.* ментәр, *лит. яз.* и *юж.д.* мендәр;
сред. мәңке 'вечно', *караид.*, *танып.*, *среднеур.* мәңке, *лит. яз.* и *др. гов.* мәңге;
сред. оңқол / өмкөл 'глубокий', 'омут', *караид.* өңкөл, *сакм.* соңқор / соңфор, *ай.* соңғол, *сурян.* оңғол, *дем.* сөңгөл / соңфор, *лит. яз.* соңғол;
сред. саңқа 'охотничьи лыжи', *караид.* саңқы, *лит. яз.* саңғы;
сред. сөгөнтөр / сөгөлтөр 'свекла', *танып.*, *караид.* сөгөнтөр, *лит. яз.* и *др. гов.* сөгөлдөр;
сред. сымылтык 'полог', *караид.*, *түй.*, *танып.* сымылтык, *лит. яз.* сымылдык;
сред. тамка 'тамга, метка', *лит. яз.* тамға. Ср. *древнетюрк.* tamqa 'печать' (Chuast);
сред. таркан 'тархан', *лит. яз.* тархан. Ср. *древнетюрк.* tarqan – титул (КТм 1);
сред. тиңке / тимке 'до кого, чего', *караид.* тиңке, *куб.* тиңге, *лит. яз.* тикле / тиклем;
сред. һантый 'дурак', *танып.*, *караид.*, *среднеур.* сантый / сандый, *лит. яз.* һантый;
сред. ыңқай 'лад', 'попутно', *караид.*, *среднеур.* ыңқай, *лит. яз.* и *др. гов.* ыңғай;
сред. ыуылтык / ыуылтырык 'икра', *караид.* ууылтык, *лит. яз.* ыуылдырык;
сред. ямқыр 'дождь', *караид.*, *среднеур.* яңқыр, *лит. яз.* и *др. гов.* ямғыр;
сред. янқын 'пожар', *караид.*, *среднеур.*, *нижнебельск.* яңқын, *лит. яз.* и *др. гов.* янғын;
сред. янтырыу 'жечь, сжечь', *караид.*, *среднеур.*, *нижнебельск.* янтырыу, *лит. яз.* и *др. гов.* яндырыу;
сред. яңқыз 'одинокий', *караид.* яңқыз. *лит. яз.* и *др. гов.* яңғыз [8].

Формант -таш/ -тәш

Показатель существительного аффикс -таш/-тәш в литературном башкирском языке и ряде его говоров имеет четыре варианта и обычно за сонорными согласными не употребляется. В указанных же говорах после основ на сонорные следует формант -таш/-тәш.

Средний говор: карынташ (в др. говорах карындаш) 'младшая сестра', көнтәш (лит. и др. говоры көндәш) 'соперница', ауылташ (лит. и др. говоры ауылдаш) 'одноаулец', ватанташ 'соотечественник'.

Караидельский говор: юлташ (лит. и др. говоры юлдаш) 'спутник', илтәш (лит. и др. говоры илдәш), 'земляк', заманташ (лит. замандаш) 'современник'.

Ялан-катайский подговор: афынташ (лит. апын) 'жены родных братьев', йакынташ (лит. якын) 'близкий'.

Начало функционирования аффикса -таш/-даш (по материалам датированных памятников древнетюркской письменности) относятся примерно к середине I тыс.н.э. [9].

Почти во всех тюркских языках аффикс -таш/-даш является довольно продуктивным. Он отмечен в *азерб.* јолдаш 'спутник', *казах.* ауылдас 'одноаулец': *караим.*: карындаш / карындас 'брат'; *каракалп.*: күрсақлас 'единоутробный'; *кирг.* тасторкондаш 'сотрапезник'; *тат.*:

бүлмәдәш 'сосед по комнате'; *тув.*: атташ 'тезка'; *турк.*: гарындаш 'родственник'; *узб.* ватандаш 'соотечественник'; *уйг.*: исимдаш 'тезка' [10].

Как показывают примеры, после основ на сонорные в других тюркских языках употребляется звонкий вариант аффикса.

Следует указать, что во всех перечисленных выше словах говоров башкирского языка аффикс -таш/-тәш является первичным, изначальным. Многие слова представляют собой новообразования. Например, слова типа заманташ (караид.), ватанташ (сред.), очевидно, являются неологизмами для названных говоров. По-видимому, они проникли в говор через литературный язык, но, подчиняясь законам говора, названные слова стали употребляться с глухим вариантом аффикса, хотя в литературном языке функционируют с формой -даш.

Формант -так/тәк

Консонантные сочетания в исследуемых говорах наблюдаются в составе существительных, образованных от подражательных слов с аффиксами -так/-тәк

Средний говор : кырылтак (*кыз.* кырылдак) 'тот, кто храпит', бәпелтәк (*кыз.* ләпелдәк) 'тот, кто говорит вздор', сөнкөлтәк (*вост.д.* сәңкөлдәк) 'тот, кто говорит невнятно', тәзелтәк (*кыз.* тәзелдәк) 'плакса'.

Караидельский говор: корколтак 'хронический кашель', шапылтак 'невыдержанный на язык', мыңкылтак 'ворчун'.

Ялан-катайский подговор: шикантак / шикандак 'кокетка', дөңкөлтәк 'ворчун'.

В названных говорах представлены и варианты рассмотренного аффикса -тык/ -тек: мыркылытк (*караид.*) 'свинья', мыжылытк (*караид.*) 'копуша', бупылытк (*сред.*) 'ворчун', пыпылытк (*караид.*) 'болтливый'.

В среднем и караидельском говорах башкирского языка формант -так/-тәк является весьма продуктивным формообразующим элементом. В то время, как в других говорах башкирского языка, в словах такого типа употребляется звонкий вариант на -дак/ -дәк; баркылдак 'дрозд', быжкылдак 'утка', гөргөлдәк 'прятки' [11].

Формант -тык / -тек

Сочетания *лт*, *мт*, *нт* встречаются в субстантивированных словах с формантом -тык/-тек; калтык (*сред.*), в др. говорах и лит. калдык 'остаток', ышантык (*караид.*) 'вера, доверие', ташлантык (*ялан-катай.*) 'отбросы', эйентек (*дем.*) 'молоко, выжатое из вымени', жыйынтык (*ялан-катай.*) 'сборище', йыуынтык (*ялан-катай.*) 'помои'.

Формант -тык/-тек является остатком древнего причастия на -дук/-дүк// -түк/-түк.

Относительно рунических памятников М.А. Ахметов пишет, что в употреблении вариантов аффикса этого причастия наблюдается следующая последовательность: к основам на гласный, звонкий и глухой согласный присоединяется звонкий (-дук/-дүк), основы на сонорные употребляются с глухим вариантом (-түк/-түк) [12]. То же самое можно сказать относительно формы -тык/-тек в среднем говоре башкирского языка.

Формант -тык/-тек

Сочетания *лт, мт, нт* представлены на стыке именных основ и аффикса -тык/-тек, обладающего конкретным значением: *ыуылтык (ялан-катай.)* 'икра', *сымылтык (сред., караид.)* 'полог', *урынтык (таньп.)* 'стул', *быуынтык (караид.)* 'член, звено'.

В говорах башкирского языка, наряду со словами с исконными аффиксами -тык/-тек, встречаются слова, в которых формант -тык/-тек соответствует общетюркскому -лык/-лек и его вариантам. Например: *кайынтык (ялан-катай.)* 'березняк', в лит. *кайынлык, вост. д. кайындык, утынтык (сред.)* 'место, где заготавливают дрова', *лит. утынлык, вост.д. утындык, бесәннек // бесәнтек (сред.)* 'сеновал', *лит. бесәнлек, вост.д. бесәндек*.

Очевидно, формант *-тык/-тек* в составе перечисленных слов среднего говора является вторичным, не исконным. Сначала, по-видимому, произошла ассимиляция или оказал влияние соседний восточный диалект, затем по аналогии с другими аффиксами стал употребляться глухой вариант -тык/-тек.

В башкирском языке и его диалектах указанному аффиксу соответствуют: -лык/-лек, -лок/-лөк, -нык/-нек, -нок/-нөк (южный диалект), -дык/-дек, -тык/-тек, -зык/-зек, -лык/-лек (*вост.д.*).

В других тюркских языках данному аффиксу соответствуют: *тат.* -лык, -лек, *каз.* -лык, -лік, -дык, -дік, -тык, --тік, *кирг.* -лук, -лүк и т. п. (всего 12 вариантов); *узб.* -лик; *турк. и тур.* -лык, -лик, -лук, -лүк, ср. *древнетюрк.* -лык, -лик, -лук, -лүк [13].

Формант -кы/-ке, -ко/-кө

Сочетания сонантов с глухими смычными наблюдаются на стыке основы и аффикса относительных прилагательных, дающих временную и пространственную характеристику.

бороңко (лит. боронҭо) 'древний', *заманкы* 'давний', *караңкы (лит. караңғы)* 'темный', *һуңкы (лит. һуңғы)* 'последний', *түбәңке (лит. түбәнге)* 'нижний'.

соңкы (лит. һуңғы) 'последний', *иртәңке (лит. иртәнге)* 'утренний', *күптәңке (лит. күптәнге)* 'давние'.

эләрәңке 'раньше', *бороңко* 'старинный'.

бороңко (лит. боронҭо) 'старинный'.

Аффиксу -кы/-ке после сонантов названных башкирских говоров *бороңко* 'древний', *былтырғы* 'прошлогодний', *алдынғы* 'передовой', *арғы* 'дальний', *иртәңге* 'утренний', *төнгө* 'ночной'.

В других тюркских языках за исключением некоторых*, употребляется также звонкий вариант. В чувашском языке ему соответствует аффикс *xi*.

По мнению М. Рясанена, в древнетюркских надписях аффикс прилагательных *qy / ki* начинался на *-q, -k* [14]. Ср. *bükünki* 'сегодняшний' (Suv: 608 [18], *jolqu* 'дорожный' (Suv. 621 [19], *jylqu* 'годовой' (Chuast. 133) [14].

Очевидно и в названных выше говорах сохранился более древний вариант аффикса имен прилагательных.

Формант -мтык/-мтек

Консонантные сочетания в ряде говоров башкирского языка зафиксированы в именах с формантом -мтык/-мтек илэмте (караид.) 'отруби', йарымтык (караид.) 'мифическое существо', 'пэри', үлемтек (караид., ай., дем.) 'вещи предназначенные для раздачи после смерти человека'.

Формант -онто, ымта, -өнтө, -емтә

Консонантные сочетания входят в состав словообразовательных формантов -онто/-өнтө, -ентә/-ынты, -ымта/-емтә. Например: йыуынты (сред.), ср. в кызыл, миас, арг. йыуынды 'помои'; өрәнтә (сред.), ср. в лит., кызыл. ырынды 'сугроб', һөрөнтө (сред.) 'мусор, сносимый водой', кисенте (караид.) 'лесосека', каралты (сред., караид., миас., ялан-катай., верхнебель., карагай-кыпч.), ср.: в др. говорах, каралды 'домашнее убранство', уйынты (верхнебель.) 'вырез', үренте (караид.) 'рассада, росток', ашанты (гов. среднеураль. башкир) 'пища'.

Следует отметить, что консонантные сочетания **лт**, **мт**, **нт** представлены и в литературной форме слов с названными формантами. Например: киҫенте 'отрезок материи', һөрөнтө 'пахота', каралты 'домашнее убранство'.

О данном форманте Т.М. Гарипов пишет «Этот аффикс не всегда подвержен прогрессивной ассимиляции согласных – глухие и звонкие варианты присоединяются к конечным -л и -м основ с одинаковой легкостью, что было характерной чертой фонетики древних тюркских языков» [15].

Формант -тырык, -терек

Консонантные сочетания входят в состав форманта -тырык/-терек. Например: күзелтерек (сред.), ср. лит. күзлек 'очки', түшелтерек (сред.), ср. лит. түшлек, в вост. д. түшелдерек 'нагрудник', бауылтырык (сред.) 'попруга', тепәлтерек (сред.) 'подножка (у телеги)', ыуылтык (арг., зил.), ср. в вост.д. ыуылдырык 'икра', башлантырык (караид.) 'палочка, при помощи которой основа прикрепляется к пришиве (в ткачестве)', тәпәлтерек (караид.) 'педаль ручного ткацкого станка', сакалтырык (караид.) 'подбородник конской узды'.

В остальных башкирских говорах, а также в литературном языке вместо форманта -тырык/-терек употребляется его звонкий вариант -дырык/-дерек. Например: сөйөлдөрөк 'супонь', тәбәлдерек 'педаль', сымылдырык (айс.) 'полог', түшелдерек (вост.д.) 'нагрудник из разных ярких тканей', кашылдырык (айс.) 'приспособление для ложек на стене', ыуылдырык (дем.) 'икра' [16].

Слова с аналогичным формантом отмечены и в других тюркских языках: тат. тәбәлдерек 'педаль ручного ткацкого станка', каз. көзілдірік 'очки', ккалп. ууылдырык 'рыбья икра', мойынтырык 'ярмо', узб. буйинтурук 'ярмо', якут. томторук 'морда' и т. д.

Именной словообразовательный аффикс -тырык/-терек, по мнению С.Н. Муратова, является общеалтайским и имеет следующие варианты в тюркских языках: -тырык/-дырык, -тирик/-дирик, -дөрөк, -турук/-дурук, -дуруг// турук/-дурук/, -төрөк/-төрөг, дөрөк/, -торук/-дөрүк/, -зырык; в монгольских языках: -дарға// -дерге, -дурғо/-дургө/ - дөрөг; в тунгусо-манчжурских языках: -турға/-чурға [17].

Таким образом, указанный формант имеет звонкие и глухие фонетические варианты.

В среднем, караидельском говорах башкирского языка, очевидно, сохранился глухой вариант аффикса -тырык/-терек, исконный, если указанный аффикс форматировался на базе отглагольного имени турук, образованного от глагола тура 'стоять', 'находиться', 'жить', широко распространенного во всех алтайских языках».

Следует отметить, что в среднем и караидельском говорах башкирского языка консонантные сочетания «сонор + глухой смычный» регулярно употребляются не только в неразложимых корнях и основах, на стыке основ и словообразовательных аффиксов, но и основ и словоизменяемых аффиксов имен, глаголов и других частей речи. В качестве примера приведем глагольные формы. Ср.:

Прошедшее «категорическое» время

Сочетания *лт*, *мт*, *рт* представлены в составе глаголов в форме прошедшего «категорического» времени.

Средний: күсеп килте (*лит.* килде) 'переехал', етем калтым (*лит.* калдым) 'остался сиротой', үлте (*лит.* үлде) 'умер'.

Караидельский: Кобайазда бултым 'был в Кубиязово', сирмеги үлте 'умер черемис', мүк йолкорка бартым 'ходила рвать мох'.

Таныпский: алты (*лит.* алды) 'взял', пирте (*лит.* бирзе) 'дал', йыуынты (*лит.* йыуынды) 'умылся', бирте (*лит.* бирзе) 'дал'.

В последних двух говорах в форме прошедшего категорического наблюдается *рт*, которое не характерно остальным говорам. В караидельском сочетании *рт* употребляется регулярно, в таныпском – лишь в ряде слов. Диалектологами отмечены случаи употребления сочетаний *лт*, *нт*, *рт* в форме прошедшего категорического и в других говорах башкирского языка: булты (*бурз.*) 'был', килте (*гов. среднеур. башкир*) 'пришел'[18].

Временная форма на -t/-d является общетюркской. Она имеется во всех тюркских языках – древних и современных. Вопрос о происхождении формы прошедшего времени на -ды в тюркских языках остается до сих пор недостаточно выясненным. Следует только подчеркнуть, что в древнетюркских памятниках отмечены глаголы прошедшего времени с аффиксом -ty/-tä. Ср. *bolty* 'был', *qyltyt* 'сделал' (КТм 10).

В среднем говоре сочетания *мк*, *мк*, *нк*, *нк* наблюдаются в форме желательного наклонения с аффиксом -кы/-ке. Например: менке килә 'хочется подниматься', күмке килә 'хочется закопать', йыуынкы килә 'хочется помыться'.

Сочетания сонантов и глухих смычных согласных наблюдаются в составе глаголов понудительного залога: *караид.* тунтыр син аны (*лит.* тундыр) 'заморозь ты его', *караид.* пыркылтат сандыйны, кызым 'отругай дурака в пух и прах, дочка', *караид.* калтыр мескен пүркеңне 'оставь свою шапку без меха', *сред.* атка ментер 'посади на лошадь', *сред.* балаңты йыуынтыр 'искупай ребенка'. Ср. *древнетюрк.* *qantur* 'удовлетворять' (Suv. 615 12), *qontur* 'поселять' (КТб2, 21) *ü zläntür* 'заставить взойти' (Suv. 12 13).

В башкирском языке и его диалектах представлены следующие варианты аффикса понудительного залога: -дыр/-дер, -тыр/-тер, -зыр/-зер. Примеры: калдыр 'оставь', һүндер 'погаси', туңдыр 'заморозь', баһтыр 'заставь давить', койзор 'заставь лить' [19].

Аффикс с начальным глухим т в понудительном залоге отмечен и в литературной форме башкирского языка: килтер 'приводи', ултыр 'садись', үлтер 'убей', тултыр 'наполни'.

Форма на -кан/-кән

Сочетания сонантов с глухими смычными наблюдаются в ряде говоров башкирского языка в глагольной форме на -кан/-кән. По своему смысловому содержанию форма с данным аффиксом весьма многогранна: это не только причастие прошедшего времени, но и отглагольное имя. В современном башкирском языке и его некоторых говорах морфологическим показателем данной формы является аффикс -ған/-гән после гласных и звонких согласных и -кан/-кән после глухих согласных. А в караидельском и среднем говорах после основ на л, м, н, ң выступает глухой вариант аффикса: *сред.* йаңқан (*лит., др. гов.* йанған) 'сгоревший, сгорел', *сред.* йеңкән (*лит., др. гов.* йеңгән) 'победивший, победил', *караид.*, *сред.* туңқан (*лит., др.гов.* туңған) 'замерзший, замерз', *сред.* күмкән (*лит., др. гов.* күмгән) 'закопавший, закопал'.

Глагольная форма на -кан/-кән встречается во многих тюркских языках, а именно, в чувашском, кумыкском, азербайджанском, туркменском, узбекском, казахском, ногайском, татарском. В тюркских языках Сибири – якутском, тувинском, хакасском – имеется форма на іқан/-уган// -үген/-үген, генетически близкая к форме аган [20].

Причастие на -ғантай/-кантай

В среднем говоре башкирского языка сочетание **нт** наблюдается в составе причастий на -ғантай/-кантай. Например: эскәнтәй кешене эсерер кәрәк 'пьющего человека надо напоить', өйгә ал кайткантай 'он может идти домой'.

Кроме именных и глагольных форм, консонантные сочетания встречаются в говорах в составе служебных слов: послелогов, частиц.

В неразложимых основах в тюркских языках вполне допустимы звуко сочетания типа « сонант + глухой смычный. Ср.:

altun (турк., тур., ктат., кар., кум., кбал., кир., каз., ног., ккал., гаг., баш., тат., алт., хак.), altun (уйг., лоб.), altin (узб.), altan (як.), yltan (чув.) 'золото'; ortaқ (турк., ктат., ккал., каз., ног., уйг., тур., гаг., аз., уз.), ortoқ (кир., алт.), urtaқ (баш., тат.) 'друг, товарищ, общий, середина'; ankej (тур., кар., кир., каз., ног., ккал.), enkaј / enkäј (узб.), encej (алт.), inkä j (бар.), inkäј (баш.) 'гнутья, сгибаться, наклоняться, падать, кланяться, преклоняться'.

В башкирских говорах, как уже говорилось выше, отмечается употребление сочетаний сонантов и глухих смычных согласных не только в неразложимых основах, как в других башкирских говорах и большинстве тюркских языков, но и на стыке основы и аффиксов, а также на стыке двух слов. Причем следует подчеркнуть, что в неразложимых основах сочетания **лт**, **мт**, **нт**, **рт**, **нк**, **ңк** охватывает большое количество слов, т.е. они наблюдаются не только в словах типа арт, алт, алтын и др., но и в тех словах, в которых в общетюркском масштабе выступают звонкие варианты.

Как показывают наши исследования, причина появления регулярного употребления консонантных сочетаний типа «сонорный + глухой смычный» в среднем и караидельском говорах башкирского языка кроется в системе смычных, которая в указанных говорах характеризуется слабой дифференциацией глухих и звонких и наличием слабой придыхательности. Как мы уже писали об этом в своих предыдущих работах, в этноязыковом плане такая особенность смычных характерна говорам, носители, которых относятся к катаяско-табынской и унларской группе башкир. Поэтому независимо от того, к какому диалекту средний и караидельский говоры относятся, глагольная особенность языка указанных родоплеменных групп башкир, составляет и специфику этих говоров.

Сюда следует добавить и то, что регулярное употребление консонантных сочетаний типа «сонант + глухой смычный» характерно ряду современных тюркских языков и диалектов. В частности, данное явление зафиксировано в языках сарыг-югуров, сибирских татар, северных диалектах алтайского языка. Аналогичное явление зафиксировано в языке памятников древнетюркской письменности. Изложенные факты позволяют предположить, что в среднем и караидельском говорах башкирского языка нашло отражение древнее фонетическое явление, восходящее к языку отдельных древнетюркских племен, т.к. дистрибуция смычных согласных указанных башкирских говоров совпадает с дистрибуцией смычных t, q, k языка памятников и ряда тюркских языков.

Изложенные факты позволяют сделать вывод о том, что первоначальные племенные говоры башкир, относящиеся к различным группам, затем подверглись конвергентному развитию, подпадая под действие общих языковых процессов, зарождавшихся в инновационных центрах, затем распространившихся на всю территорию расселения башкир, создавая, таким образом, башкирскую языковую общность. Отдельные части этой общности находящиеся на территориях, где были контакты с другими тюркскими языковыми общностями, подпадали под влияние их языковых, диалектных особенностей, так создавались более новые диалектные группировки, отразившиеся на современной диалектной карте башкирского языка.

Как уже говорилось выше, каждый диалект башкирского языка включает в свой состав ряд говоров и подговоров. Так, например восточный включает в свой состав пять говоров: аргаяшский, айский, сальютский, миасский и кызылский. В составе аргаяшского говора выделяется ялан-катаяшский подговор.

Айский говор включает в свой состав дуван-мечетлинский, лагеровский, лапасский, петрушкинский подговоры. Кызылский говор подразделяется на кыпчакский, миасский – на кубалаяшский подговоры. Говоры и подговоры восточного диалекта имеют сложную историю формирования. В их формировании, как уже говорилось выше, в основном участвовали представители трех родоплеменных групп башкир: айлинцы, катаяшцы, восточные табынцы, частично горно-лесные кыпчаки.

Судя по этнонимии, названные родоплеменные объединения были неоднородны. На различных этапах своего этногенеза тюркских этнических групп, названные родоплеменные группы включали в свой состав осколки не только различных тюркских, но и монголоязычных, ираноязычных, угроязычных, финноязычных и других племен Евразии. Безусловно, сложный

этногенез и непростая этническая история носителей восточного диалекта ни могли не отразиться в особенностях их диалекта.

Основными особенностями восточного диалекта являются, во-первых, широкое употребление звука «һ». Звук «һ» в восточном диалекте употребляется вместо пратюркского «с» во всех позициях слова. Во-первых, это употребление звука «һ» в анлауте как и в ряде говоров южного диалекта. Ср.: *suw* 'вода', в восточном диалекте и ряде говоров южного диалекта — *һуу*. Следует отметить, что в анлауте в восточном диалекте звук «һ» употребляется не только вместо общетюркского «с», но и в заимствованных звуках «ф» и «х». Ср.: вместо *фаллама* 'гадательная книга' южного и северо-западного диалектов, *фалнамә* литературного языка в восточном диалекте употребляется слово *һалдама* в том же значении. Зафиксированы также устойчивые словосочетания *һалдама һалыу*, *һалдама асыу* в значении 'гадать, предсказывать' и т.д. Что же касается перехода заимствованного согласного звука «х» в «һ», то он в восточном диалекте охватил большее количество слов, чем в южном. Ср.: в южном, северо-западном диалектах и литературном языке *хәйер* 'милостыня' подаяние, в восточном *һайыр* в том же значении.

В отличие от других диалектов звук «һ» в восточном диалекте довольно активно употребляется и в инлауте. Ср.: в восточном диалекте *һаһык* 'зловонный', южном — *һаҫык*, северо-западном — *һасы*, в восточном *кыһык*, *кыһлан*, *кыһы*, в южном — *кыҫык*, северо-западном — *кыса*.

Говоря об инлаутном употреблении звука «һ», особо следует отметить сальютский говор восточного диалекта, в котором в интервокальной позиции он употребляется не только вместо «ҫ» и «с» других диалектов, но и вместо «з», «з», «ш». Ср.: *оһан* (в лит. яз., южн. диал. — *озан*, сев.-зап. — *озан*) 'тетерев', *аһау* (в лит. и др. диал. *ашау*) 'есть', *өһөлөү* (в лит. яз., южн. диал. *өзөлөү* 'оторваться' и т.д. [21].

Менее активно звук «һ» в восточном диалекте употребляется в ауслауте. Ср.: в кыз. гов. вост. диалекта — употребляется слово-повтор *аһ-аһ* в значении междометия удивления. Более активно звук «һ» употребляется в ауслауте слов сальютского говора восточного диалекта. Ср.: *һуһ* (в лит. яз. *һүз* 'слово', *һеһ* (лит. *һез*) 'вы', *куһ* (лит. *куз*) 'горячие угли', *иһ* (лит. *иҫ*) 'память', *өһ* (лит. *өҫ*) 'верх' и т.д.

Изложенные факты свидетельствуют о том, что в восточном диалекте звук «һ» употребляется более широко, чем в других диалектах башкирского языка. Что же касается других тюркских языков, то в них он, кроме якутского, употребляется в основном в заимствованиях и междометиях.

Следует отметить, что звук «һ» в пратюркском употребляется только в конце слова, поэтому и в современных тюркских языках он встречается лишь в конце некоторых междометий (ср.: каз.: *аһ!иһ! оһ!*) и заимствованных словах (ср.: в *тат.* *һава*, *туркм.* *һава*, *узб.* *һävä/ һова*, *уйгур.* *һава* 'воздух' [22].

Исходя из изложенных фактов Н.Х. Максүтова считает, что звук «һ» сальютского говора восточного диалекта, как и якутский «һ», генетически восходит к тунгусо-маньчжурским языкам [23].

Во-вторых, как отмечают специалисты, начальные *n*, *d*, *l* аффикса подвергаются ассимилятивным и диссимилятивным процессам. В результате аффиксы с начальными *n*, *d*, *l* в зависимости от характера предшествующего звука имеют до четырех фонетических вариантов [24]. Так, например, множественное число в зависимости от основы может иметь четыре варианта:

после согласных *л*, *м*, *н*, *ң*, *ж*, *з* начинается с согласного *д*: *урамдар* 'улицы', *һалдар* 'плоты', *таңдар* 'зори', *моңдар* 'мелодии', *тырыздар* 'кузовки' и т.д.;

после *з*, *р*, *й*, *ў*, *у* следует аффикс на *з*: *кыззар* 'девушки', *карзар* 'снега', *өйзәр* 'дома', *таузар* 'горы' и т.д.;

после глухих согласных употребляется глухой *т*: *таштар* 'камни', *кистәр* 'вечера', *төктәр* 'волосинки' и т.д.;

после гласных звуков следует *л*: *далалар* 'степи', *ололар* 'старшие', *бәкеләр* 'ножечки', *кайсылар* 'ножницы' и т.д.

Аналогично ведут себя в восточном диалекте и другие аффиксы с начальными *n*, *d* и *l*. Ср.: *дандай* (в лит. *данлай*) 'славит', *эштәй* (в лит. *эшләй*) 'работает', *урзай* (в лит. *урлай*) 'ворует', *тыңда* (в лит. *тыңла*) 'слушай', *котто* (в лит. *котло*) 'благодатный, счастливый', *азаттык* (в лит. *азатлык*) 'свобода', *ундап* (в лит. *унлап*) 'около десяти', *йәйзәу* (в лит. *йәйләу*) 'летовка', *елде* (в лит. *елле*) 'замечательно' и т.д.

В-третьих, в говорах восточного диалекта отмечается употребление более открытого, в некоторой степени более заднерядного, гортанного, даже фарингализованного звука «а». Особенно звук «а» становится более заднерядным, гортанным и в определенной степени фарингализованным рядом со звуками *к*, *ғ*, *х*, *һ*.

Ср.: *ка(һ)лай ка(һ) ты һәйзәшәң* 'как ты грубо говоришь', *Ға (һ)та Гата* (личное имя), *Ға(һ)ббас - Габбас* (личное имя), *һа(һ)һык — һаһык* 'зловонный', *һ(һ)абак* (в лит. *һабак*) 'урок, назидание'. Интересно отметить, что определенная гортанность, в некоторой степени фарингализованность встречается в произношении гласного «а» в ик-сакмарском говоре и инзерском подговоре южного диалекта. Указанной особенностью восточный диалект и названные говоры южного диалекта сближаются с казахским языком [25]. Следует также добавить, что в говорах восточного диалекта с более заднеязычным, гортанным «а» отмечается переход звуков «у», «ы» в «а». Ср.: *анда* (в лит. *унда*) 'там', *анан* (в лит. *унан*) 'от него', *антай* (сальют) (в лит. *ундай*) 'такой', *һабай* (сальют) (в лит. *һыбай*) 'верхом', *саңға* (кыз) (в лит. *саңғы*) 'лыжи' и др.

Подводя итоги, можно сказать, что восточному диалекту характерно употребление более открытого заднерядного, более гортанного варианта гласного «а». В отдельных позициях, особенно в айском говоре восточного диалекта фиксируется открытое «а», характерное южному диалекту. Лабиализованного «а», характерного демскому говору южного и говорам северо-западного диалектов, в говорах восточного диалекта не зафиксировано. Изложенные выше факты позволяют сделать вывод о том, что по своим фонетическим особенностям восточный диалект башкирского языка отличается не только от других тюркских языков, но и даже южного и северо-западного диалектов самого башкирского языка.

Южный диалект башкирского языка известный в научной литературе и как юрматынский, как уже говорилось выше, является разговорным языком башкир южных и центральных районов Республики Башкортостан, отдельных районов Оренбургской, Самарской, Саратовской областей. Носителями южного диалекта являются потомки башкирских племен бурзян, усерган, тангаур, кыпсак, юрматы, мин, кудей, а также южных тамьянцев, западных табынцев и инзер-катайцев. Перечисленные племена имеют в основном древнебашкирское и древнетюркское происхождение. Часть племен тесно связана с древнебулгарским и угорским населением Урало-Поволжского региона [26:]. Позднее все перечисленные племена подверглись неоднократной кыпчакизации. В позднее средневековье носители южного диалекта тесно взаимодействовали с ногайцами, казаками, после вхождения в состав Русского государства — с разноязычным населением Поволжья, массово хлынувшим на башкирские земли. Изложенные факты способствовали формированию специфических особенностей южного диалекта башкирского языка.

Южный диалект, как уже говорилось выше, включает в свой состав три говора: ик — сакмарский, средний и демский. Внутри говоров выделяется ряд подговоров. В частности, в составе среднего говора южного диалекта выделяются инзерский, зилимский и кармаскалинский подговоры, представляющие собой народноразговорный язык башкир — кумруков, будряков, кесе-, кальсер-, юмран- и дуван-табынцев, а также инзер-катайцев. Безусловно, как подговоры, так и говоры имеют некоторые отличительные признаки, но их всех объединяет ряд фонетических и фонетико-морфологических черт, характерных только южному диалекту башкирского языка. Самой главной особенностью южного диалекта является то, что словообразующие аффиксы и формы множественного числа с общетюркским начальным Л в диалекте реализуются в двух фонетических вариантах, а именно с начальными Л и Н в отличие от восточного диалекта, в котором функционирует четырехвариантный тип аффиксов. Ср.: 'песчанник', лит. комлок: 'болтун', лит. лабырлак, вост. лабырзак; буйлак 'холостой', лит. буйзак, вост. буйзак: 'светлый', лит. якты, вост. йакты_'хвастун', лит. мактансык, вост. мактансык; 'яйценосная', лит. түлле, вост. түлде; маллар 'скот', лит. малдар, вост. малдар; 'дни', лит. көнләр, вост. көндәр; 'девочки', лит. кыззар, вост. кыззар; 'лошади', лит. аттар, вост. аттар. Кроме вышеуказанной главной особенности, в южном диалекте можно отметить следующие специфические особенности. Таковыми являются:

- широкое употребление межзубного звука С (особенно в говорах) вместо пратюркского С. Ср. в анлауте: сәйәү (дем) 'любить', лит. һәйәү, вост. д. һәйәү, общетюрк. sev:сәймез (дем) 'жирный', лит. нимез, вост. д. нимез, общетюрк. simiz: асыу 'вешать', лит. асыу, вост. д. аһыу, общетюрк. asu; баһымсак 'безропотный'; лит. баһымсак, вост.д. баһымсак, общетюрк. basin basincag/basıncaq 'униженный'; к кыс 'жми', лит. кыс, сальют. кыһ, общетюрк. qis 'сжимать'; төс 'облик, вид, дух, лит. ' төс, сальют, төһ 'дух', общетюрк. tös 'дух';
- слова, имеющие палатальный и велярный варианты в южном диалекте употребляются в палатальном варианте. Ср.: әсе 'кислый', горький, лит. әсе, вост. асы, общетюрк. асij 'кислый, горький'; һәлмәк 'увесистый, тяжелый', лит. һәлмәк, вост. һәлмак, общетюрк. salij 'повинности, подати, налоги';
- широкое употребление анлаутного Й, которому в отдельных говорах восточного диалекта башкирского языка, казахском, каракалпакском, киргизском, в говорах татарского, карачаево-

балкарского языков соответствует З/-Ž. Ср. йыл 'год', лит. йыл, арг., сальют жыл, тат. диал. жыл, каз. Žyl, кар-балк. Зул; йем 'корм', лит. ем, гов. вост. д.жем; йәймә, 'пресная лепешка', лит. йәймә 'лепешка', вост. жәймә, тат.лит. жәймә и т.д:

– действие закона небной и губной гармонии в многосложных словах. Ср.: 1) әпкил — алып кил 'принеси', әпир-алып бир 'дай', әбин-алып ин 'занеси', кәрсәй-кәрт әсәй 'бабушка'; әсмәйел-ас мәйел 'ненасытный'; 2) өләкөгөн — элекке кен 'позавчера'. Кроме вышеуказанных фонетических и фонетико-морфологических особенностей, в южном диалекте отмечается своеобразная, отличающаяся как от диалектизмов восточного, так и северо-западного диалектов, лексика. Ср.: бикәс 'младшая золовка', лит. кайнһеңле, вост. кайнһеңде, сев.-зап. кайн сеңел; кунакай 'бабка альчик', лит.ашыҡ, сев.-зап. бәкәл; йәшекәй 'кладбище', лит.зыярат. вост. кәберзек, зыярат, сев.-зап. зират и др. [27].

Вместе с тем следует отметить, что южный диалект не выпадает из системы общешкирского языка. Особенности говоров южного диалекта не мешают свободному общению его носителей с представителями других говоров и диалектов башкирского языка. По-видимому, это связано с тем, что распад диалектов башкирского языка, по уточненной классификации О.А. Мудрака, произошел совсем недавно. Так отделение северо-западного диалекта от общешкирского языка в конце XVI в., а распад южного и восточного диалектов в конце XVIII в. [28].

Северо-западный диалект является разговорным языком башкир западного и северного Башкортостана, Пермского края и Свердловской области. Отдельные особенности северо-западного диалекта башкирского языка отмечаются в разговорной речи населения восточного Татарстана. В этническом плане население названных выше территорий являются потомками башкир племен буляр, байдар, юрми, ирәкте, еней, гәрә, кыргыз, елан, канлы, дуваней, каршин, таз, уваныш, уран, гайна, балыксы, ун, танып, таз, уваныш, уран, балыксы, ун, танып. Этногенез и этническая история названных северо-западных племен довольно сложны. Среди них имеются тюркские по происхождению родо-племенные группы, которые в различные эпохи относились к самым разным родо-племенным объединениям или передвигались с ними на Урал и в Поволжье. В частности, башкиры-гайнинцы, по данным этнолога Р.Г. Кузеева и антрополога Р.М. Юсупова, очевидно, имеют болгарское происхождение. Общую родо-племенную этнонимии и топонимию имеют башкиры племен юрми, юрматы, еней с венграми периода «Обретения родины» [29]. Поэтому некоторые языковые особенности башкир северо-западного региона, по-видимому, имеют глубокие исторические корни. В то же время следует отметить, что уже к средневековью, по-видимому, все башкирские племена говорили на довольно близком, в определенной степени унифицированном башкирском языке. Этому, видимо, способствовали кочевой или полукочевой образ жизни и связанные с этим частые переселения, взаимодействие башкирских племен между собой, межплеменная борьба, экзогамия, преобладание в регионе древнебашкирских племен, позднее — нахождение в составе единого государственного объединения как Золотая Орда.

После вхождения башкир в состав Русского государства происходит некоторое обособление северо-западных башкир. Это было обусловлено переходом северо-западных башкир к оседлому образу жизни после захвата их земель пришлым населением. Оседлый образ жизни, контакты с пришлым населением, ослабление контактов с восточными и южными башкирами способствовали развитию инновационных явлений в языке северо-западных башкир. На

основе морфологической лингвостатистики О.А. Мудраку удалось установить, что обособление языка северо-западных башкир от общешкирского начинается с XVI в. [30]. Однако, как отмечают авторы «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» (далее СИГТЯ), опираясь на исторические и лингвистические материалы, видимо, до XVIII в. территория распространения общешкирского языка охватывала все башкирские земли, весь Исторический Башкортостан [31]. Об этом свидетельствуют и татарские говоры восточной части Татарстана и Оренбургской области, которые до сих пор сохраняют фонетические особенности, характерные только для башкирского языка [32]. Изменения начинают происходить в XVIII в., когда на башкирских землях появляются припущенники, служилые татары, мишари, которые, общаясь с местными башкирами, оказали определенное влияние на их язык. Однако решающую роль в изменении северо-западного диалекта сыграли мечети, медресы, мектебы, служба и обучение в которых в 18-19 вв. в основном велись на татарском языке [33]. Все это способствовало формированию специфических особенностей северо-западного диалекта башкирского языка. Однако эти особенности не являются существенными и не мешают свободному общению между собой носителей различных говоров и диалектов башкирского языка. Северо-западный диалект с общешкирским языком объединяют следующие особенности:

– употребление в односложных словах и в первом слоге двусложных слов широкого звука *э*, соответствующего татарскому *и*: *кэм* 'меньше', в баш.лит. - *кэм*, тат. лит. - *ким*; *кэрэк*, тат.лит. *кирэк*; *кэбэк* 'мякина', в баш.лит. - *кэбэк*; *кэртэ*, 'жердь', в баш.лит. - *кэртэ* и др. Следует отметить, что под влиянием языка обучения северо-западных башкир — татарского литературного языка указанное явление в последние годы уходит из речи молодого поколения башкир;

– употребление в составе отдельных аффиксальных морфем широких *а* и *э*: *бармай* '(он) не идет' в баш.лит. - *бармай*, тат.лит. - *бармый*; *килмэй* '(он) не придет', в баш.лит. - *килмэй*, тат.лит. - *килми*; *эйтмэйек*, тат. лит. - *эйтмик*;

действие закона губной гармонии, который распространяется даже на трехсложные и многосложные слова: *болоннок* 'пойма', в баш.лит. - *болонлок*, тат.лит. - *болынлык*; *бөтөнөбөз* 'все мы', в баш.лит. - *бөтөнөбөз*, тат.лит. - *бөтөнөбез* 'все мы', в баш.лит. - *бөтөнөбөз*, тат.лит. - *бөтөнөбез*; *королок*, тат.лит. - *королык*.

- употребление межзубного звука *з* вместо общетюркского *d*. Следует подчеркнуть, что данное явление объединяет все три диалекта башкирского языка. Оно охватывает почти все позиции слова, если принимать во внимание и заимствования. Ср. в начале слова: *зур* 'большой', в баш.лит. - *зур*, тат.лит. - *зур*; *зурэтэй* 'дед, со стороны отца', в баш.лит. - *олатай*, тат.лит. - *бабай*, *дәү эти*; : *бозай*, в баш.лит. - *бозай*, тат.лит. - *бодай*; *бызау* (нижнебельск) 'теленок', в баш.лит. - *бызау*, тат.лит. - *бозау*; в конце слова *баз* 'баз' 'погреб', в баш.лит. - *баз* 'погреб', в баш.лит. - *баз*, тат.лит. - *баз* и др. Интересно отметить, что межзубный *з* охватил даже аффиксальную систему башкирских диалектов, в том числе и северо-западного. Ср. в северо-западном диалекте *бармазы* '(он) не ходил', в баш.лит. - *барманы*, тат.лит. - *бармады*; *килмэзе* '(он) не приходил', в баш.лит. - *килмэне* '(он) не приходил', тат.лит. - *килмэде*. Переход пратюркского *d* в *з* особенно последовательно происходит в нижнебельском говоре северо-западного диалекта башкирского языка. В данном говоре звонкий межзубной *з* охватывает даже анлаут

заимствованных слов. Ср.: заман 'время', период в баш., тат.лит. - заман; зар. печаль, в баш. тат. лит. зар, закун', 'закон', в баш., тат.лит. - закон:

- соответствие общетюркскому **ç** и татарского **ч** башкирским фонемам **с** и **ш**. Ср. этэс (караид.танып) 'петух', в баш.лит. - этэс, в тат.лит. - этэч; сейэләнеү (караид) 'спутываться (о нитках)', в баш.лит. - сейэлеү, тат.лит. - чуалыу; шишен (танып, нижебельск) 'раздеваться', в баш.лит. - сисен. тат.лит. - чишен;

- употребление во 2-м лице множественного числа будущего времени на **р** формы — сығыз/сегез. Ср.: барырысығыз 'вы пойдете' в баш.лит. барырығыз, тат.лит. барырысыз; килерсегез 'вы придете', в баш.лит. - килерһегез, тат.лит. - килерсез; алырсығыз 'вы возьмете', в баш.лит. - алырығыз, тат.лит. - алырысыз;

- употребление свойственной всему башкирскому языку аффиксальной формы — майынса вместо татарского - мыйчы / мыйча. Ср.: алмайынса 'нельзя, без того, чтобы не взять', в баш. лит. - алмайынса, тат.лит. - алмайчы; булмайынса 'нельзя без того, чтобы не быть', в баш.лит. - булмайынса, тат.лит. - булмыйча; килмәйнсә 'нельзя без того, чтобы не прийти' в баш.лит. - килмәйнсә, тат.лит. - килмиçә.

К специфическим особенностям северо-западного диалекта башкирского языка относятся:

- отсутствие специфической фонемы **һ**, характерной как говорам южного, так и восточного диалекта. Вместо общебашкирского **һ** в северо-западном диалекте функционирует **s**. Ср.: сыу, 'вода', в баш.лит. - һыу, дем.гов. - сыу, тат.лит. - су, сез 'вы', в баш. лит. - һез. тат.лит. - сез, сарымсак 'чеснок', баш.лит. - һарымһак, дем. - çарымсақ. куб. - һарымсақ, тат.лит. — сарымсак;

- употребление вместо общебашкирского **с** и общетюркского **s** мягкого шипящего **щ**. Ср.: щуйын 'чугун' в баш. лит. - суйын. тат.лит. - чуен: акца 'деньги', в баш.лит. - ачка. ащ 'голодный', в баш.лит. - ас, тат. лит. - ач;

— начальному звонкому **б** в северо-западном диалекте в большинстве случаев соответствует глухой **п**. Ср.: пешеү 'вариться', в баш.лит. - бешеү, тат.лит. - пешу; пыщкы 'пила', в баш.лит. - быскы, тат.лит. - пычкы; палауыз 'воск', в лит.баш. балауыз, тат.лит. - балавыз и др.;

— отсутствие ассимиляции начальных **л**, **д**, **н**, аффикса, характерной восточному, отчасти и южному диалектам. Ср.: йортлар 'дома', в баш.лит. - йорттар, южн. диал. - йортлар, вост. диал. - йорттар. тат.лит. - йортлар; урманны 'леса', в баш.лит. - урманды, южн.диал. - урманны, вост. диал. - урманды, тат.лит. - урманны; балазан 'от ребенка', в баш. лит. - баланан, южн.вост. диал. баланан, тат.лит. - баладан; тат.лит. - баладан; сыйырны 'корову', в баш.лит. - һыйырзы, южн.диал. - һыйырны, вост.диал. - һыйырзы, тат.лит. - сыйырны; эшләй, в баш.лит. - эшләй, южн. диал. - эшләй, вост.диал. - эштэй, тат.лит. - эшли и др. [34].

В целом, можно говорить о том, что северо-западный диалект башкирского языка сохранил древние общетюркские и общебашкирские черты. В то же время в результате многовекового контакта с финно-угорским и тюркоязычным населением Поволжья и Приуралья диалект приобрел ряд инноваций, в результате которых он стоит несколько обособленно от других диалектов башкирского языка.

В последние годы под нивелирующим влиянием литературного языка происходят существенные изменения в башкирских диалектах и говорах. Так, например, данные,

полученные МРТ-методом новосибирских ученых, показали сокращение в отдельных позициях демского говора межзубного звука *ç*. В нижнебельском говоре северо-западного диалекта отмечается исчезновение интердентального *ʒ* в речи молодого поколения под влиянием татарского литературного языка. В целом, диалекты и говоры башкирского языка, как и других языков мира, в последние десятилетия теряют свои специфические особенности.

Что же касается науки башкирская диалектология, то она имеет многолетнюю историю. Еще в трудах исследователей башкир и башкирского языка XVIII — начала XX вв. содержатся диалектные материалы, как лексического, так и грамматического характера. Например, в рукописном словаре XVIII в. Мендияра Бекчурина «Перевод слов на башкирский язык» зафиксированы следующие лексемы: *анай, инэй, эпсэй* 'мать', в лит. яз. - *эсэй*; *джанлык* 'зверь', в лит.яз. - *йәнлек*; *бута* 'пояс', в лит.яз. - *билбау*; *сығыр/сыйыр* 'корова', в лит.яз. - *һыйыр* и др [35].

Диалектный материал почти по всем территориальным группам башкир присутствует в «Начальном руководстве к изучению арабского, персидского и татарского языков с наречиями бухарцев, башкир, киргизов и жителей Туркестана» Мирсалиха Биксурина, написанном им в середине XIX в. В работе Мирсалиха Биксурина для диалектологии особую ценность представляют образцы башкирской речи, в которых нашли отражение не только лексические, но и морфологические особенности диалекта. Например, в сказке «Батыр батша экиәте» («Сказка о царе Петре») зафиксированы следующие лексемы в той или иной форме *дарандар* 'сподвижники', в лит.яз. - *ярандар*; *уйыннар*; 'игры', в лит.яз. - *уйындар*; *таштап* 'бросив', в лит.яз. - *ташлап* и др.

«В работе Начальное руководство...» Мирсалиха Бикчурина нашли отражение и фонетические особенности башкирских диалектов. Например, рефлекс общетюркского звука *ç* в интервокальной позиции в «Начальном руководстве...», как и в говорах башкирского языка, представлен звуками *ç, ʒ* и *h*. Ср.: *басып* — *баçып, баһып*, в лит.яз. - *баçып*; *исерек* — *иçерек* — *иһерек*, в лит.яз. - *иçерек* и др. [36].

Из работ XIX в., на наш взгляд, наиболее ценный диалектный материал содержат словари В. Катаринского. Например, в «Башкирско-русском словаре В. Катаринского зафиксированы следующие диалектные слова: *азэл* 'смерть', в лит.яз. - *эжэл*; *бире* 'бес', в лит. яз. - *бәрей*; *мөгөззә йылан* 'рогатая змея', в лит.яз. - *мөгөзлө йылан*; *хозай сәсәге* 'оспа бога, досл. *цветок худая*', в лит. яз. - *хозай сәскәне* и др. Интересно отметить, что отдельные диалекты В. Катаринский связывает с теми или иными родо-племенными группами башкир. Например, при подаче слова *балға* 'молоток' В.Катаринский пишет о том, что оно употребляется в Китайской волости, а в других местах функционирует слово *сүкеш* [37].

Из работ начала XX в., на наш взгляд, представляют большой интерес с точки зрения диалектологии «Букварь для башкир» А.Г. Бессонова, рукописный словарь М.А. Кулаева и словарь-приложение к учебнику башкирского языка венгерского исследователя В.Преле, в которых, особенно у А.Г. Бессонова и М.А. Кулаева, представлен значительный диалектный материал.

Однако во многих работах диалектные особенности башкирского языка практически не отражены. Поэтому поводу один из исследователей башкир XIX в. Д.Н. Соколов пишет

следующее:... в «Записках» [1899 г., кн. VII- VIII] проф. Катанов дает весьма ценные наблюдения над башкирским языком. К сожалению, он башкирский язык понимает, по-видимому, как одно целое, как бы не подозревая о существовании в нем наречий. На последнее есть указание и в литературе, напр. В «Кратком русско-башкирском словаре» [Оренб., 1893 г.] отмечено несколько особенных слов, свойственных катайскому племени, и поэтому не отмечает, к какому племени принадлежат башкиры, язык которых он исследовал. Теми же наблюдениями он пользуется при выборке примеров из «башкирских наречий» в своем исследовании об Урянхайском наречии. Точная запись произношения в цитированной работе позволяет установить, что проф. Катанов наблюдал в Белебеевском уезде башкир, произношение которых сходно с произношением кипчаков восточной части Оренбургского уезда. Между тем наречие кипчаков сильно разнится от Бурзянского племени, которое, по общему мнению, принадлежит, несомненно, к коренным башкирам...»[38].

Но несмотря на это в целом отдельные диалектные особенности башкирского языка в той или иной степени нашли отражение в трудах исследователей XVIII- начала XX вв., поэтому с полным основанием этот период можем назвать первым этапом в развитии башкирской диалектологии.

Второй этап в развитии башкирской диалектологии связан с 20-40-ми годами советской эпохи. Именно в эти годы с целью создания национальных школ, определения языка обучения в школах, определения диалектной базы обновленного литературного языка, составления учебников было предпринято 14 диалектологических экспедиций и множество индивидуальных выездов. Диалектологические экспедиции были организованы во все башкироязычные районы не только Башкортостана, но и сопредельных регионов. Материалы диалектологических экспедиций тех лет хранятся в научном архиве УНЦ РАН и являются бесценным источником по языку башкир XIX и первой трети XX вв. Кроме самих материалов, в архиве хранятся отчеты тех экспедиций, составленные по анкетам-вопросникам. Кроме основного лингвистического материала, в отчетах экспедиций содержатся сведения об истории деревень, племенах, родах и родовых подразделениях, названиях местностей (гор, рек, озер, урочищ и др.), о национальном составе, этнографических особенностях населения, ремеслах, учебных заведениях, а также образцы фольклора данной местности.

Что же касается основного лингвистического материала, то диалектологи 20-40-х годов прошлого столетия собрали огромный диалектный материал по всем аспектам языка: фонетике, морфологии, лексике, синтаксису. Например, лексический материал в них впервые дается с разделением на отрасли. В частности, выделены и описаны животноводческая и растительная лексика, лексика, связанная с минералами и металлами, религией и мифологией, рыболовством и пчеловодством, одеждой и украшениями, пищей и постройками и др. Диалектная лексика дается по частям речи, по функционированию, с рисунками к наиболее специфическим терминам. В этом плане наиболее тщательно выполнены отчеты Т.Г. Баишева, в которых каждое название сопровождается семантическим анализом, описанием и переводом на русский язык. Не менее ценным является отчет и З.Ш. Шакирова, посвященный описанию диалекта аргаяшских и кунашакских башкир. Он провел впервые не только описание, но и анализ реализации консонантов **ʒ**, **С**, **Ж** в говорах челябинских и курганских башкир.

В 30-е годы XX в. впервые башкирская диалектология обращается к исследованию, не только территориальных, но и социальных диалектов башкирского языка. Организовав экспедицию в Баймакский район к рабочим Тубинского завода, Т.Г. Баишев описал язык одной из профессиональных групп башкир.

Большой вклад внесли диалектологи 20-40-х годов прошлого столетия в изучение северо-западного диалекта башкирского языка. Ими тщательно и скрупулезно были обследованы языковые особенности башкир Туймазинского, Янаульского, Караидельского, Аскинского и др. районов республики. При этом при изучении населенных пунктов районов были исключены татарские населенные пункты. Кроме «неграмотного населения», как отмечается в отчете по Караидельскому району, была проведена работа с сельским активом, работниками канцелярий, школьными работниками и учащимися». Изучение языка широкого круга респондентов из северо-западных районов республики позволило диалектологам сделать вывод о том, что «обследованные экспедицией говоры, несомненно, являются говорами башкирского языка» [39].

К аналогичным выводам пришли и исследователи языковых особенностей населения Туймазинского района. В частности, в отчете исследователя Т. Кучукова вот, что говорится об этом: «...они [население Туймазинского района Ф.Х.] считают, что их язык башкирский, что он близок к башкирскому литературному языку». Однако, несмотря на это, языком обучения в школах северо-западных районов официально был принят татарский язык, что сыграло, безусловно, решающую роль в изменении языка северо-западных башкир в последние 50 лет.

В развитии башкирской диалектологии 20-40-х годов XX в. велика роль Н.К. Дмитриева, определившего перспективы развития не только диалектологии, но и всего башкирского языкознания.

Подводя итоги, можно сказать, что второй этап в развитии башкирской диалектологии характеризуется выявлением, описанием, частично анализом языковых особенностей разных территориальных и социальных групп башкир. Сбор огромного материала по диалектам позволил башкирским ученым уже в конце 30- и 40-х годов прошлого века поставить, позднее и решить ряд фундаментальных задач в развитии башкирского языкознания. Во-первых, было создано множество терминологических словарей, во-вторых, началась разработка русско-башкирского словаря, изданного в 1948 г. и включающего 40 000 слов, башкирско-русского словаря в 22 000 слов, изданного в 1958 г. В-третьих, сбор и обработка громадного диалектного материала позволили поставить и решить задачу создания научной грамматики башкирского языка. В 1948 г. научная грамматика башкирского языка, созданная Н.К. Дмитриевым, была издана. В-четвертых, собранный по всей башкироразноязычной территории в 20-40-х годах XX в. материал позволил языковедам республики в последующие годы создать словари, монографии и другие обобщающие труды по диалектологии.

Третий этап в развитии башкирской диалектологии связан с 50-90-ми годами прошлого столетия. Именно в те годы башкирские диалектологи создали крупные фундаментальные работы по диалектологии. Во-первых, в 1967, 1970 и 1987 гг. появилось три тома диалектного словаря башкирского языка. Во-вторых, впервые была проведена Т.Г. Баишевым классификация башкирских, диалектов, основанная на фонетических особенностях языка.

Данная классификация, позднее уточненная Дж. Киекбаевым, Н.Х. Ишбулатовым, Н.Х. Максютовой, С.Ф. Миржановой, Р.З. Шакуровым и др., является одной из лучших классификаций диалектов тюркских языков.

Третий период также характеризуется началом систематического изучения диалектов с помощью особой программы, предусматривающей единовременный сбор диалектного материала по всем уровням языка. В результате такого исследования диалектов и говоров башкирского языка появились обобщающие работы по диалектной структуре и языковым особенностям говоров. Эти исследования, посвященные трем диалектам, а также сравнительно историческому анализу диалектной системы башкирского языка (работы Н.Х. Ишбулатова, Н.Х. Максютовой, С.Ф. Миржановой), были защищены как докторские диссертации и вышли в виде монографий в 1974, 1976, 1979 и 1991 гг. В 70-80-е годы появились монографические исследования, посвященные говорам, находящимся в иноязычном окружении.

Появление подобных работ дало возможность начать сравнительно-исторические, исторические исследования не только в диалектологии, но и в башкирском языкознании в целом. Во-вторых, в 70-е годы XX в. начинается разработка «Диалектологического атласа башкирского языка», который увидел свет в 2005 г. Атлас состоит из 2 частей. В первую часть включены вступительная статья, справочные материалы и комментарии к картам. В комментариях отражена линия распространения того или иного явления языка, определен регион функционирования форм с указанием их плотности, переходности, исчезновения, дана интерпретация картографируемого явления. В те же 80-е годы началась работа по составлению сводного тома «Диалектного словаря башкирского языка» [40].

Появление сводного словаря и Атласа дало возможность башкирским лингвистам приступить к разработке таких крупных проектов, как «Академический словарь башкирского языка» в 10 томах, «Историческая грамматика башкирского языка» и этнолингвистических исследований по лексике башкирского языка, по которым защищено 5 кандидатских диссертаций под руководством З.Г. Ураксина и Ф.Г. Хисамитдиновой. Кроме того, следует отметить, и то, что свод и атлас явились богатейшим источником для изучения духовной культуры башкирского народа [41].

Подводя итоги, можно сказать, что третий этап в развитии диалектологии был обобщающим и наиболее продуктивным этапом в башкирском языкознании.

Сегодня в развитии башкирской диалектологии начинается новый — четвертый этап. Этот этап характеризуется всесторонним изучением языка одного населенного пункта. Как и любой язык, язык того или иного населенного пункта изучается в синхронном состоянии, как целостная система.

Программа синхронного описания языка населенного пункта ориентирована на выявление максимально полного корпуса сведений о синтагматическом и парадигматическом аспектах выбранного фрагмента системы, например, фонетики, что даст возможность моделировать фонологическую или другую систему диалекта. Следует отметить, что в прошлые годы диалектология в основном занималась выделением особенностей, т.е. дифференциальных признаков говоров и диалектов. Изучение диалектной речи населенного пункта на всех уровнях языка обуславливает отказ от дифференциального метода при обследовании

диалектов. Следует отметить, что изучение только отличий говора от литературного языка ведет к разрушению представлений о системной целостности диалекта, «поскольку черты общие у говора с литературным языком, могут быть функционально совершенно разными, благодаря соотношению с другими участниками системы, которые различны в говоре и литературном языке» [58].

Исходя из изложенного можно сказать, что перспективы башкирской диалектологии связаны с синхронным описанием языка конкретных населенных пунктов как целостной системы.

Chuast. – покаянная молитва манихейцев
I тыс. н.э. – I тысячелетие нашей эры
Suv. – Сутра Золотого Блеска
аргаяш. – аргаяшский говор
баш. – башкирский язык
бурз. – бурзянский подговор
верхнебель. – верхнебельский подговор
вост.д. – восточный диалект
гаг. – гагаузский язык
дем. – демский говор
др.гов. – другие говоры
древнетюрк. – древнетюркский язык
зил. – зилимский подговор
казах. – казахский язык
карагай – кыпч. – карагай-кыпчакский подговор
караид. – караидельский говор
караим. – караимский язык
каракалп. – каракалпакский язык
кбал. – карачаево-балкарский язык
кирг. – киргизский язык
ктат. – крымскотатарский язык
Ктб. – Большая надпись Памятника Культегина
КТм – малая надпись Памятника Культегина
куб. – кубалаякский подговор
кум. – кумыкский язык
кыз. – кызылский говор
лит. яз. – литературный язык
лоб. – лобнорский язык
миас.-- миаский говор
нижнебельск – нижнебельский говор
ног. – ногойский язык
сакм. – сакмарский подговор
сальют. – сальютский говор
сев.-зап. – северо-западный диалект
сред. – средний говор
среднеур. – среднеуральский говор
сурян – сурянский подговор
танып. – таныпский говор
тат. – татарский язык

азерб. – азербайджанский язык
ай. – айский говор
алт. – алтайский язык
Тон. – Памятник Тоньюкуку
тув. – тувинский язык
тур. – турецкий язык
турк. – туркменский язык
тюй. – туюйский подговор
узб. – узбекский язык
уйг. – уйгурский язык
хак. – хакасский язык
чув. – чувашский язык
юго-вост. – юго-восточные говоры
юж.д. – южный диалект
якут. – якутский язык
ялан-катай. – ялан-катайский подговор

1. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. по Республике Башкортостан. Bashstat gks ru wps/wcm/connect/rossbat ts/bashstat/resources/
2. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Далее СИГТЯ. Региональные реконструкции/Э.Р. Тенишев. М., 2002.
3. Уртегешев Н.С., Хисамитдинова Ф.Г., Ишкильдина Л.К. (2012). Атлас артикулярных настроек согласных восточного диалекта башкирского языка. Уфа, 2012. С.3.
4. СИГТЯ, 2002. 767 с.
5. Уртегешев Н.С. и др. Указ. раб. С. 3
6. Уртегешев Н.С., Хисамитдинова Ф.Г. Атлас артикулярных настроек согласных южного диалекта башкирского языка. Уфа, 2013. С. 4-5.
7. Уртегешев Н.С., Хисамитдинова Ф.Г., Ишкильдина Л.К. Атлас артикуляторных настроек согласных северо-западного диалекта башкирского языка. Уфа, 2014. С.3.
8. Хисамитдинова Ф.Г. История башкирского языка: Материалы по исторической фонетике. Уфа, 1989. С. 15-16.
9. Там же. С. 19.
10. Там же. С. 19.
11. Ишмухаметов З.К. Подражательные слова в башкирском языке // Башкирская лексика Уфа, 1966. С. 35.
12. Ахметов М.А. Глагол в языке орхоно-енисейских памятников. Саратов, 1978. С. 98.
13. Там же. С. 97.
14. Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955. С. 134.
15. Гарипов Т.М. Башкирское именное словообразование. Уфа, 1959. С. 91.
16. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М., Л., 1948. С. 62.
17. Муратов С.Н. О тюркских аффиксах — таш/-даш и — турук/-дурук в свете данных других алтайских языков // Проблемы общности алтайских языков. Л., 1971. С. 332.
18. Максютлова Н.Х. Бурзянский говор // Башкирская диалектология. Уфа, С.52.
19. Дмитриев Н.К. Указ. Раб. С. 155.
20. Хисамитдинова Ф.Г. Указ. раб. С. 29-30.
21. Уртегешев Н.С. др. Атлас... Уфа, 2012. С. 5.
22. СИГТЯ. М., 2002. С. 283.
23. Максютлова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка. М. 1976. С. 186.
24. Юлдашев А.А. Диалекты башкирского языка // Диалекты тюркских языков. М. 2010. С. 27.
25. Там же. С. 128.

26. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М. 1974. 571 с.
27. Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. М. 1979. 272 с.
28. Мудрак О.А. Об уточнении классификации тюркских языков с помощью морфологической диагностики // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. М. 2012. 767 с.
29. Кузеев Р.Г. Указ. раб. 321-326; Башкиры-гайнинцы: история и современность // Юсупов Р.М. Уфа, 2012. 264 с.
30. Мудрак О.А. Указ. раб. 767 с.
31. Там же. С. 257.
32. Баязитова Ф.С. Мензелинский говор татарского языка. Казань, 1982. С. 3-9; Садыкова З.Р. Формирование говоров оренбургских татар (по данным фонетики) // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1979. С. 73-104.
33. СИГТЯ, 2002. С.258.
34. Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка. Уфа, 1991. С. 296.
35. Ишбердин Э.Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка. М. 1986. С.11.
36. Бикчурин М.С. Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков с наречиями бухарцев, башкир, киргизов и жителей Туркестана. Казань, 1869.
37. Катаринский В.В. Башкирско-русский словарь. Оренбург, 1899.
38. Диалектологический атлас башкирского языка // Хисамитдинова Ф.Г. Уфа, 2005. С.11.
39. Там же. С. 10 – 11.
40. Академический словарь башкирского языка // Хисамитдинова Ф.Г. В 10 томах. Т.1. Уфа, 2011. С. 29-30.
41. Хисамитдинова Ф.Г. Башкирская диалектология: достижения прошлого и перспективы настоящего // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Уфа, 2011. С. 7-8.

Düzenleyen: Süer Eker

* Исключение составляют языки, в которых зафиксированы сочетания сонорных и глухих смычных.